

А. И. Баранович

НОВЫЙ ГОРОД ЗАПАДНОЙ УКРАИНЫ XVI в. (ОСНОВАНИЕ СТАРОКОНСТАНТИНОВА)

Польша XVI в. неуклонно и настойчиво стремилась к захвату Украины; паны и шляхта жадно протягивали руки к ее богатствам. Внимание захватчиков приковывали к себе не только богатства природы этой страны; их прельщали главным образом богатства, созданные трудом местного населения.

Исследуя жизнь Украины XVI ст., мы видим, что она достигла высокой для того времени ступени хозяйственного и общественного развития. Польская шляхетско-буржуазная историография утверждала, что польская шляхта имеет „исторические заслуги“ по превращению пустынной и отсталой Украины в цветущую страну. Этим утверждением еще недавно козыряли реакционные группировки Польши в борьбе за свое господство в Польше, за колониальное порабощение Украины и Белоруссии. Анализ общественной жизни Украины XVI в., развития в ней классовой борьбы необходим и для того, чтобы понять, как могло случиться, что многочисленный, народ, находящийся на сравнительно высокой ступени развития, народ с многовековыми культурными традициями, с культурой более древней, чем культура его поработителей, стал жертвой шляхетских захватчиков, попал в новое тяжелое рабство, приведшее его к крайней степени упадка и унижения. Попыткой хотя бы частично ответить на эти вопросы и является данная статья. В ней рассматривается жизнь одного из районов Украины XVI в., район г. Староконстантинова, находящегося в южной части Волынского воеводства. Автор пытается проследить жизнь этого района в связи с общей хозяйственной обстановкой Украины XVI в.

Основные источники, использованные автором, — неопубликованные архивные материалы. Это, прежде всего, частновладельческие архивы: архив графов Ржевусских, владевших Староконстантиновом в начале XIX в.; архивы князей Вишневецких, графов Мнишков, владевших соседними районами. Используются также акты Киевского Центрального архива древних актов. Привлечен, разумеется, и опубликованный архивный материал, относящийся к данной теме.

I

Территория, на которой расположен Староконстантинов, в XVI в. была густо заселена. Реестры поборов второй половины XVI в., опубликованные А. Яблоновским, показывают, что почти все существующие в наше время населенные пункты имелись и тогда.

В окрестностях Староконстантинова в 1583 г. побор платили следующие деревни: Старики и Новики — от дымов 41, от огородников 14; Григоровка — от дымов 19, от огородников 13; Поповцы — от дымов 17, от огородников 11; Свинная — от дымов 14, от огородников 8; Сахновцы — от дымов 11, от огородников 9; Гребеник — от дымов 13, от огородников 6; Демковцы — от дымов 12, от огородников 5, от ремесленников 2; Красноселка — от дымов 9, от огородников 7.¹ Исследователи поборов второй половины XVI в. считают дым равным половине лана.² Яблоновский считает, что в среднем на одном лане жило „18 голов“ крестьян.³ Если мы будем считать в хозяйстве крестьянина в среднем пусть даже 6 человек, то окажется, что в Стариках и Новиках — 330 чел., в Григоровке — 192, в Поповцах — 168, в Свинной — 132, в Сахновцах — 120, в Гребенике — 114, Демковцах — 102. Реестры побора показывают нам значительные для XVI в. населенные пункты; в действительности же они были еще большими, так как известно, что закон освобождал от обложения хозяйства, даже целые поселения, новозаселенные, погорелые, разоренные войной, набегами.⁴ Количество объектов, подлежащих обложению, указывали сами владельцы имений, правильность показаний не контролировалась. Известно, что паны-шляхта всячески уклонялись от уплаты налогов и имели полную возможность это делать; особенно безответственно обманывали свое государство магнаты, а указанные деревни принадлежали крупнейшему из них — князю Константину Острожскому. Поэтому мы вправе предположить, что число объектов, подлежащих обложению, было большим, чем показано в списках побора: и деревень было больше, и жителей в них было больше.

Хозяйственное развитие этой густозаселенной территории явно достигало высокого уровня. Повинности крестьян чаще всего выступают в виде денежной ренты. Люстрация Кременецкого замка 1552 г. так описывает „повинности волости всей“: „Со всей волости от тяглых людей приходит с дворища по 40 грошей литовских, овса по 4 мерки. . . а отдельно от каждого человека приходит от кабанов и баранов двадцатое“. Со всей волости „в этом году пришло кабанов 14, а баранов — 47“. Наконец, дают „с каждого дворища тому, кто чинш носит, по грошу. . . А больше того никакой работы ни подачки от них нет“.⁵ В 1563 г. в Кременецком старостве проведена волочная помера, причем это сопровождалось дальнейшим увеличением денежной ренты, все более оттеснявшей на задний план ренту отработочную и ренту продуктами. Повинности крестьян в люстрации 1563 г. обозначены так: „Согласно уставу его королевской милости, с померенных волок данной волости прежде

¹ Źródła dziejowe, t. XIX. Warszawa, 1889, s. 128—130.

² A. Jabłonowski. Wołyń i Podole. Pisma, t. IV. Warszawa, 1911, s. 140.

³ Ibid., s. 145.

⁴ Volumina legum, t. II, p. 192.

⁵ Архив Юго-Западной России (в дальнейшем: Арх. ЮЗР), ч. VII, т. II. Киев, 1890, стр. 30.

всего должны платить от каждой волоки средней почвы по 40 грошей, от каждой волоки плохой почвы — по 30 грошей, от морга сенокосной земли — по 8 грошей, от морга сенокоса в дубравах — по 4 гроша". „Теперешним новым постановлением подданные освобождены и исключены от пригонов и от десятин... которые раньше давали от овец и свиней... а также от давannya овсов", тех четырех мерок „меры Кременецкой", которые раньше вносили от каждого хозяйства кременецкому старосте. Но, „дабы тот замок Кременецкий, как украинный", все же „был снабжен продовольствием, должны будут давать от каждой волоки по $\frac{1}{2}$ бочки ржи и овса по $\frac{1}{2}$ бочки". От полевых работ на замок подданные освобождены; их нельзя принуждать „давать неводы", „волочить пруды", „забивать язы", строить дворы. Землю, оставленную для нужд замка, будут обрабатывать приписанные к фольваркам для работ огородники. Эти огородники должны выполнять и работы в прудах замка. Если они не смогут управляться с возложенной на них работой, то дополнительная рабочая сила должна привлекаться путем найма. „А подданных из волости принуждать к этому ни в коем случае нельзя". Работать подданные обязаны лишь во время уборки сена: заготовить для замка сено, во-время его убрать, отвезти в замок либо фольварк. Кроме того, согласно давнему обычаю, подданные обязаны „сыпать труды". Сверх описанных в этом документе повинностей и взносов, никаких других подданные выполнять не должны — „ни стаций давать, ни в подводы ездить".¹

Староконстантинов находился на территории Кременецкого уезда. Надо полагать, что условия, приведшие к возникновению денежной ренты в Кременецком старостве, существовали и в окрестностях Староконстантинова. Не имея непосредственных данных об интересующей нас территории, предположение это можно проверить, рассмотрев сведения о территориях окрестных. Не было ли введение денежной ренты в Кременецком старостве искусственным? Не находилось ли Кременецкое староство в условиях исключительных?

Кременецкое староство расположено к северо-западу от Староконстантинова; к югу от Староконстантинова — Подольское воеводство. В 1565 г. была произведена люстрация Каменецкого староства. Выяснилось, что в ближайших к району Староконстантинова селах Горбачеве и Голенищеве крестьяне „сидят на чинше", т. е. денежная рента там является основной. Каждый из крестьян-хозяев „дает ежегодно чинш по 20 грошей, а подымного — по 2 гроша". Кроме того он выплачивает дань и продуктами: дает овса по третиннику, дани пчельной — десятый улей; дает двадцатую свинью, двадцатого барана, раз в 5 лет вола. В Горбачеве пятая часть хозяев платила только чинш — по 2 злотых в год, продуктов никаких не давала; в Голенищеве таких хозяев — 3 (из общего количества — 23), не считая „свободных".²

К востоку от Староконстантинова расположено староство Хмельницкое. Люстраторы этого староства в 1565 г. записывают существующую здесь ренту денежную и ренту продуктами. Повинности крестьян подавляющего большинства деревень таковы: платят чинш разных размеров, подымное — по 2 гроша от хозяйства, дают овес — размер овсовой дани разный, дают от хозяйства по 2 курицы, по 10 яиц,

¹ Арх. ЮЗР, ч. VII, т. II, стр. 110—111.

² Там же, стр. 183—185.

десятый пень с пчелами, двадцатого барана, десятую свинью, раз в 7 лет — вола или корову. В Винниковцах годовой чинш с хозяйства составляет 26 грошей и 2 шеляга, годовой взнос овса 6 третинников; в Иовче и Трибуховцах чинша вносят 30 грошей, овса 6 третинников; в Дубовой — чинша 13 грошей и 1 шеляг, овса 2 третинника; в Чудиковцах — чинша 13 грошей и 1 шеляг, овса 2 третинника; в Куликове — чинша 12 грошей, овса 2 третинника. В 1565 г. в Хмельницком старостве третинник овса стоил 5 грошей, 2 курицы — 1 грош, улей с пчелами — 20 грошей, баран — 12 грошей, кабан — 1 золотый, вол — 2 золотых. В переводе на деньги дань продуктами, взимаемая с „тяглых крестьян“, составляет в Винниковцах 103 золотых 8 грошей: куры и яйца — 1 золотый и 16 грошей, овес — 33 золотых, ульи с пчелами — 13 золотых 10 грошей, бараны — 12 золотых 12 грошей, кабаны — 21 золотый, вола — 22 золотых. Деньгами внесли крестьяне подымное и чинш — 30 золотых 16 грошей; кроме того, „урочные“ крестьяне внесли деньгами 12 золотых 12 грошей, „свободные“ крестьяне — подымного 22 гроша. Таким образом, не считая корчмаря, крестьяне внесли деньгами 43 золотых 20 грошей. Такова в основном картина и в других деревнях.¹ Денежная рента в Винниковцах составляет около 30% общей суммы ренты. На некоторые из продуктов, взимаемых с крестьян натурой, существует на рынке постоянный и большой спрос. Это, в первую очередь, вола, бараны, ульи. Крестьянин мог бы продать их и уплатить помещику вместо них деньгами, что составило бы 47 золотых 22 гроша, т. е. больше 40% той суммы, в которой оценены все продукты, вносимые крестьянами с Винниковац. Очевидно, помещик требует эти продукты натурой не для собственного потребления, а для продажи.

По данным люстрации 1552 г. Луцкого староста, денежная рента имеет очень большой удельный вес в повинностях крестьян. Крестьяне с. Колчина дают „стародавнего плата“ 50 грошей, на рождество и в день Николая — по 100 грошей; кроме того, с дворища ежемесячно по очереди — по 50 грошей. Дворищ в деревне 14; следовательно, на одно дворище приходится 50 грошей раз в 14 месяцев. Крестьяне этой деревни, наряду с земледелием, занимаются гончарным промыслом. Ежемесячно они дают с двора, в порядке очереди, по 5 дойниц и по 5 глиняных кувшинов. Остальные взносы — продуктами: в день Симона — по 2 курицы с дворища; в „колядки“ — по 6 грошей и 100 яиц. Удельный вес отработочной ренты среди крестьянских повинностей незначителен: „служат толоки“ — 2 дня жнут, 1 день косят; набивают лед в 2 ледника, причем лед сами не возят: его доставляют крестьяне с. Подгаец. Была еще одна повинность, связанная с тем, что село находится вблизи Луцка: крестьяне „поднимали“ посла, едущего из Орды; давали сколько потребуется телок, баранов, гусей, кур, пива, меда, хлеба.²

В Подгайцах того же староста крестьяне промыслами не занимаются, и удельный вес денежной ренты меньше; всё же денежные взносы являются и здесь основным видом повинностей. Крестьяне с. Подгаец платят в год 40 гр.; дают „ральца“ 50 калачей, 5 кур, 50 яиц; на рождество — 50 калачей, 5 кур. Работа, требуемая с них,

¹ Арх. ЮЗР, ч. VII, т. II, стр. 140—148.

² Там же, т. I. Киев, 1886, стр. 178—179.

сравнительно не велика: пашут 3 толоки (одну — весной, другую — подымая пар, третью — осенью); 3 дня жнут; молотят на гумне; кроме того, огораживают гумно, покрывают сараи для свиней, овец, телят; наконец, тоже „поднимают“ посла из Орды.¹ Такой же характер имеют повинности крестьян с. Радомышля того же староства. Крестьяне Радомышля платят в год 100 гр., дают на пасху 100 калачей и 100 яиц; на рождество — 100 калачей, 3 четверика овса, 12 кур. Работают 7 дней в году: пашут весной 1 день, пар поднимают — 2 дня, 1 день „ралят“, 3 дня жнут.² Итак, вокруг исследуемого нами района на большой территории мы видим значительное развитие денежной ренты.

Нам известно, что для развития денежной ренты необходимо превращение части продуктов крестьянского хозяйства в товар, производство их как товара, а это возможно при развитии торговли, городской промышленности, денежного оборота. Анализ имеющихся в нашем распоряжении материалов позволяет составить более конкретное представление о том, какие именно продукты и в каких размерах превращаются в товар, вырабатываются как товар; каких размеров достигала торговля и денежный оборот; насколько была развита городская промышленность.

Городов в середине XVI в. в воеводствах Волынском и Подольском было много. На основании реестров поборов в Волынском воеводстве во второй половине XVI в. насчитывают 68 городов и 1633 деревни (1 город на 24 деревни),³ в Подольском воеводстве — 37 городов и 650 деревень (1 город на 17,6 деревень).⁴ Число городов возрастает. Известно, что весьма значительная часть городов, упоминаемых в реестрах побора, стала городами в XVI в. В конце XVI — начале XVII в. число городов продолжает расти. При рассмотрении списков подымного Волынского воеводства за 1629 г. мы видим в этом воеводстве 114 городов, а всех населенных пунктов 2219 (1 город на 19,4 деревень).⁵ Города эти достигают значительных размеров. В 1629 г. в Волынском воеводстве было 4 города, каждый из которых имел более 1000 жилых строений; 11 городов с числом жилых строений от 500 до 1000; 9 городов с числом жилых строений от 400 до 500.

Приведенные цифры показывают, что эти города не были городами лишь по названию, а представляли собой торговые и ремесленные центры, притом не малые. Обратимся к реестрам побора. Показания реестров свидетельствуют о значительном развитии городского ремесла. В 1570, 1577 и в 1583 гг. в Луцке платили налог 201 ремесленник, Ковеле — 139, Остроге — 101, Владимире — 70, Торчине — 69, Дубно — 62.⁶ В городах были ремесленники разных отраслей промышленности. Было много ткачей; реестры поборные упоминают стригунов, шаповалов, портных. Уплачен в Луцке побор 20 меховщиками, Владимире — от 12, Торчине — от 10. Очень много сапожников; отдельно упоминаются шорники, отдельно — седельники. Было много специалистов по обра-

¹ Арх. ЮЗР, ч. VII, т. I, стр. 179.

² Там же, т. II, стр. 181.

³ A. Jabłonowski. Op. cit., s. 129, 136.

⁴ Ibid., s. 129, 137.

⁵ О. Баранович. Залюднення України перед Хмельниччиною. Волинське воеводство. Київ, 1931, стр. 21, 140.

⁶ Źródła dziejowe, t. XIX, s. 49, 24, 37, 11.

ботке металла: кузнецы, слесари, встречаются сабельники, медники. Были специалисты и по обработке дерева: плотники, бочары, каретники, лучники. В Луцке, Ковеле, даже Збараже в поборовых реестрах мы встречаем и золотых дел мастеров; упоминаются солодовники, пивовары, винокуры. Но даже в перечислении профессий поборовые списки неполны: ремесленных профессий в этой местности было гораздо больше. Возьмем, например, люстрацию Кременца 1563 г. В ней нет перечисления ремесленников, переписаны хозяева усадеб по отдельным улицам, но возле некоторых фамилий и имен сделаны приписки, обозначающие профессию хозяина усадьбы — поп, дьяк, пастух, рыбовод и т. д. Встречаем и такие приписки: колесник,¹ токарь,² стрельник,³ мечник,⁴ олейник.⁵

Эти ремесленники уже в значительной степени оторвались от сельского хозяйства. Налицо и большое количество ремесленников, совершенно порвавших с земледелием. При взимании побора 1577 г. в г. Остроге внесен побор со 101 „дома убогого“; хозяева домов — ремесленники. „Убогие“ не имеют ни поля, ни огородов и живут исключительно доходами от ремесла; платят от дома по 1 грошу, от ремесла — по 4 гроша.⁶ О том, что главным занятием ремесленников, живущих в городах, становится ремесло, свидетельствует распространенность в них института подмастерьев — „товарищей“ ремесленников. Даже в реестрах поборовых они выступают заметными группами. В 1570 и 1577 гг. уплатили налог в Остроге 28 „товарищей“ ремесленников, в Торчине — 16, Берестечке — 12, Дубне — 8, даже в небольшом городке Свинюхах — 6.⁷

Рынком для ремесленных изделий были прежде всего окрестности данного города; главный покупатель — крестьянин соседних сел. Ткачи изготавливают и тонкие полотна, и простые; изготавливают плахты.⁸ Меховщики в большинстве обрабатывают меха простые — овечьи.⁹ Ремесленники-металлисты изготавливают топоры, мотыги, долота, щипцы, подковы, железо для плугов, плуги, цепи, сковороды.¹⁰ Продажа ремесленных изделий производится главным образом на местном рынке, но они встречаются и на рынках отдаленных. Сукна, сермяги, шубы, изготовленные в Торчине, Клевани, Олыке, продаются в разных городах, в том числе и Луцке.¹¹ В лавках Луцка продаются разные железные изделия, явно не местного производства.¹² Деревянные изделия развозят по ярмаркам. Появляются скупщики ремесленных изделий, которые развозят их по разным районам. В 1539 г. король рассматривает жалобу луцких цеховых мастеров на нарушение их цеховой монополии такими скупщиками-торговцами. Скупщики дают выделывать сукна, сермяги, шубы ремесленникам Клевани, Торчина, Олыки, а также

¹ Арх. ЮЗР, ч. VII, т. II, стр. 53.

² Там же, стр. 43.

³ Там же, стр. 46, 51, 53.

⁴ Там же, стр. 53.

⁵ Там же, стр. 46, 47.

⁶ *Zródła dziejowe*, t. XIX, s. 37.

⁷ Там же, s. 11, 12, 13, 37, 76.

⁸ Арх. ЮЗР, ч. I, т. VI. Киев, 1883, стр. 98.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, стр. 243; ч. VI, т. I, Киев, 1876, стр. 151.

¹¹ С. А. Бершадский. Русско-еврейский архив, т. I. СПб., 1882, стр. 230.

¹² Арх. ЮЗР, ч. VII, т. I, стр. 182.

16 Ученые записки, т. III

других городов и сел княжеских и панских в Воынской земле, „а изготовленное продают в Луцке, либо других местах Воыни и от этого себе немалый доход имеют“.¹

Отделяясь от сельского хозяйства, ремесло развивалось и совершенствовалось. Были мастера высокой квалификации. Большого умения требовало, например, изготовление мечей и сабель; в городах Воыни в XVI в. были и мечники и сабельники. Местным ремесленникам давали заказы и представители феодальной аристократии.² В церквах было много предметов художественной работы, изготовленных местными мастерами; они выполняли резьбу по дереву, ювелирные, живописные работы и т. д.

Развивающиеся, растущие города нуждались в сельскохозяйственных продуктах. Им нужно было сырье для промышленности и продукты для оторвавшегося от земледелия населения. Мы видели в г. Остроге ремесленников, совершенно порвавших с земледелием.³ Такие ремесленники были и в других городах. Реестры побора 1577 г. показывают в Степани и Полонном ремесленников, не имеющих ни поля, ни огородов. Но даже те ремесленники, которые имели собственные огороды, нуждались в продуктах сельского хозяйства и покупали их на рынке. Покупали продукты питания и торговцы. В некоторых городах торговцев было не мало. В 1570 г. реестры поборовые показывают в Ковле 111 торговцев.³ В люстрации г. Кременца 1563 г. мы видим среди рынка, возле ратуши, 70 торговых помещений.⁴ В какой степени эти торговцы были связаны с землей, мы не знаем. Но, учитывая, что многие из них отдавали торговле значительное количество времени, можно предположить, что совмещать торговую деятельность с земледелием им было трудно. В списках побора прямо указываются группы торговцев, не имеющих ни полей, ни огородов, например, в Полонном. В 1577 г. в Степани, Дорогобуже встречаем группы торговцев, имеющих лишь огороды. Были городские жители, не имевшие не только земли, но и своего дома — „коморники“, снимавшие квартиру; был люд, по мнению помещиков, „праздношатающийся“ (*luźny*). В 1570 г. коморников показано в Берестечке 35, Одыке — 31, Кременце — 19; „праздношатающихся“ в Кременце — 19, Литовиже — 17, Берестечке — 12. Наконец, совершенно не связано было с землей еврейское население города. В 1552 г. люстраторы насчитывали в Кременце 18 домов евреев, в Луцке — свыше 50.⁵

В городах были уже установлены определенные базарные дни. Конечно, на базар выносят сельскохозяйственные продукты и земледельцы-горожане (их было много). Привозили в город на базар продукты и крестьяне из сел. В Кременце в торговый день крестьяне не только староства, но и шляхетских имений имели право привозить и продавать в розницу свои продукты. Крестьянам предоставлялось право привозить в город и продавать все, что они „добыли дома, в поле, в лесу“.⁶

¹ С. А. Бершадский. Ук. соч., стр. 230.

² „Жизнь кн. Курбского“, т. I. Киев, 1849, стр. 310—314.

³ *Źródła dziejowe*, t. XIX, s. 24.

⁴ Арх. ЮЗР, ч. VII, т. II, стр. 42.

⁵ Там же, стр. 30; т. I, стр. 176—177.

⁶ Там же, ч. VII, т. II, стр. 72, 112.

О существовании в городах значительного и постоянного спроса на продукты питания свидетельствует наличие в городах постоянных профессий пекарей, мясников. Поборовые списки в 1583 г. показывают пекарей: в Луцке — 23, Олыке — 24, Владимире — 11, Клевани — 7, Горохове — 6, Збараже, Ямполье, Вишневце, Локачах, Турийске — по 4. Мясники в Кременце продают мясо воловьё, свиное, баранину, телятину.¹ В городах много водочных котлов, солодовен, пивоварен. Корчем в Луцке в 1552 г. было 44; в корчмах продавали водку, пиво, мед. Необходимое для производства сырье винокуры, пивовары, медовары скупали у крестьян. В документах зачастую упоминается о привозе в город крестьянами зерна, солода, пресного меда. Меховщики, сапожники, шорники, седельники покупали овчины, кожи. Городские торговцы разъезжали по деревням, покупали „всякие рыночные вещи“, продавали их в своем городе на базаре или даже вывозили в другие города.²

Нельзя забывать, что сельскохозяйственные продукты находили спрос не только на местном рынке: их вывозили с давних времен и за границу. Из грамоты 1427 г. короля Владислава Ягайла мы узнаем, что купцы г. Львова „ходят“ с волами и другими товарами во Вроцлав.³ Львовские купцы гнали из Молдавии волов, лошадей, овец, свиней; из Трансильвании — лошадей. Но могли же они находить для экспорта лошадей, волов, овец, свиней и в окрестностях Львова, и в близлежащих воеводствах Волынском и Подольском. Действительно, львовские купцы покупали скот и там. В 1473 г. Станислав из Ходча, воевода Русский и Подольский, продал Михаилу Вильчку, мещанину г. Львова, 700 волов.⁴ Покупали волов и на Волыни.⁵ В XVI в. в воеводствах Волынском, Подольском, Брацлавском были купцы, ведшие крупную торговлю волами. В 1532 г. купец г. Винницы, Михель, купил в Молдавии 2080 волов; купец г. Острога, Исачко, купил 1500 волов, а Дашечко — 309 волов. Кроме упомянутых, Михель имел в Остроге 120 волов; острожские купцы имели 1000 волов, а дубенские — 300.⁶ Местные купцы покупали скот в городах, в селах княжеских и панских, закупали его на ярмарках.⁷ Приблизительное представление о том, какое количество скота в XVI в. гнали в Западную Европу из Западной Украины, Волыни, Подолии, Южной Украины и, кроме того, через Западную Украину из Молдавии и татарских земель, — дают нам сведения, приводимые М. С. Грушевским, о прогоне скота через Краковскую таможню.⁸

Год	Волы	Иной скот
1510	4 424	1909
1523	3 850	857 (из них лошадей 33)
1533	30 118	695 („ „ „ 630)
1542	18 297	1265 („ „ „ 163)

¹ Арх. ЮЭР, ч. VII, т. II, стр. 73.

² Там же, стр. 72.

³ Acta grods. i ziem. we Lwowie, t. V. 1875, act. XXI, s. 55.

⁴ Ibid., t. VI, s. 172.

⁵ Archiwum Sanguszków, t. III, Lwów, 1890, s. 395.

⁶ С. А. Бершадский. Ук. соч., стр. 184.

⁷ Там же, стр. 232.

⁸ М. С. Грушевський. Студії з економічної історії України. Київ, 1918, стр. 34.

На запад везли большое количество кож. Через тот же пункт провезено в 1510 г. — 31 781 штука, в 1523 г. — 7578, в 1533 г. — 89 173 (из них: воловых — 66 707, других — 22 466, овчинок — 1000).

Со времен Киевской Руси за границу вывозили мед и воск, и в рассматриваемое время в этих районах добывалось много меда и воска; часть, конечно, расходилась на местном рынке, часть же шла за границу. В 1510 г. было вывезено за границу через одну только Краковскую таможду 15 716 камней воска и 707 бочек меда, в 1533 г. — воска 9840 камней, меда — 650 бочек.¹

В большом количестве везли за границу и рыбу. Вывезено было через Краков рыбы: в 1510 г. — 4018^{1/2} бочек; в 1523 г. — 40^{1/2}; в 1533 г. — 9914; в 1542 г. — 1352 бочки.²

В XVI в. на изучаемой нами территории сельскохозяйственные продукты, идущие на вывоз и ходкие также на местном рынке, производились во многих хозяйствах в значительно большем количестве, чем это нужно было для собственного потребления. В 1546 г. слуги княгини Беаты Ильиной Острожской „наехали“ на „имение“ Черняхов, принадлежавшее князю Кузьме Заславскому, и „забрали“ 70 волов, 30 коров, 130 свиной, 300 овец.³ В другом имении взяли 300 овец.⁴ У князя Заславского было организованное скотоводческое хозяйство, в его имениях был волостной „стадник“. Большое количество скота мы находим не только в княжеских и панских имениях. В 1541 г. слуги той же Беаты Ильиной „забрали“ у пушкаря князя Заславского 20 голов крупного рогатого скота.⁵ Естественно предположить, что скот в таком количестве разводили не для собственного потребления, а для продажи. На юге Волини в XVI в. были большие пасеки, и не только у помещиков, но и у отдельных крестьян. В с. Радоселке князя Заславского „люди“ той же Беаты отняли у крестьян около 300 ульев, при этом в четырех хозяйствах было отнято по 20, в трех — по 60 ульев.⁶ Совершенно очевидно, что 60 ульев хозяин держал для того, чтобы продавать мед и воск. Еще в первой половине XVI в. здесь заметно развивается и рыбное хозяйство. Люстратор 1545 г., делая весьма поверхностные заметки о Кузьминском уезде, все же отмечает большие пруды в Кузьмине, Чернелевке, Росоловцах и новый пруд в Чернятине.⁷

Экспорт многих продуктов за границу создавал почву для ввоза из-за границы изделий, не выработавшихся местной промышленностью, прежде всего предметов роскоши. Местное панство, шляхта, богатые горожане покупали заграничные сукна: луньское сукно, т. е. лейденско-голландское, сукно фалендыш — тонкое голландское или английское, чешское сукно. Шили одежду из молдавского сукна и литовского; покупали в большом количестве шелк, бархат, бумажные материи, камлот, кельнское полотно, турецкие ковры.⁸ У богатых крестьян тоже можно было встретить луньские сукна, бархат, вещи

¹ М. С. Грушевский. Ук. соч., стр. 36.

² Там же, стр. 36.

³ Arch. Sang., t. IV, s. 472.

⁴ Ibid., s. 478.

⁵ Ibid., s. 468.

⁶ Ibid., s. 468—469.

⁷ Źródła dziejowe, t. VI. Warszawa, 1877, s. 107.

⁸ Арх. ЮЗР, ч. I, т. I. Киев, 1859, стр. 30, 54—55, 240, 280; ч. III, т. I. Киев, 1861, стр. 81—82; ч. VI, т. I, стр. 151—152; ч. VII, т. II, стр. 74.

из кельнского полотна. Многие купцы специализировались на торговле дорогими заграничными материями. В 1565 г. в Каменце было 9 торговцев дорогими сукнами.¹ В Ковеле, в лавке местного торговца, продавался шелк, бумага, сера.² Известно, что ввозили также металлические изделия, оружие.

Подводя итоги, можем констатировать общий рост развития производительных сил, рост общественного разделения труда, отделение ремесла от сельского хозяйства. Ремесло концентрировалось в городах. Города становились торговыми и промышленными центрами.

Это не значит, однако, что города совсем порвали с земледелием: в городах того времени было еще немало людей, занимавшихся преимущественно и даже исключительно сельским хозяйством. В поборовых списках 1570 г. отмечены взносы: в Кременце — со 100 целых ланов, Дубно — со 157 дымов-полуланов, Ковле — с 77,5 ланов, Владимире — с 91 лана, Олыке в 1577 г. — со 117 ланов и т. д.³ В 1563 г. в Кременце, в городе и предместьях, насчитывали около 1000 домов; площадь земли, принадлежавшей мещанам, составляла 102 волоки, что и соответствует приблизительно 100 ланам.⁴ В Каменце Подольском, большом городе, в 1565 г. мещан и предмещан, имеющих лановые участки, — 24 хозяйства, а полулановые — 56. Констатируя, что сельским хозяйством в больших городах воеводства Воынского и Подольского занималась незначительная часть населения, мы вместе с тем не должны забывать, что и занимающиеся сельским хозяйством могли совмещать эту деятельность с другой. Среди горожан, имевших большие земельные участки, могли быть и ростовщики, и купцы; они могли вести свое хозяйство, эксплуатируя рабочую силу. В Каменце в 1565 г. у жены Якова Кравца было 2 лана, у Радзецких — 5 ланов; они не могли их обрабатывать силами членов своей семьи. В городах многие ремесленники и торговцы имели огороды, даже небольшие участки поля, однако это не дает основания считать, что преобладающий доход они получали от сельского хозяйства, а не от ремесла либо торговли. Что же касается ремесленников и торговцев, имевших только огороды, то не вызывает никакого сомнения, что для них сельское хозяйство было лишь подсобным занятием.

С развитием городов развивались товарно-денежные отношения в деревне, но деревня еще в значительной степени сама обслуживала себя промышленными изделиями. Списки поборов свидетельствуют о наличии в деревне большого числа ремесленников — ткачей, кузнецов, сапожников и других. Хотя основная масса продуктов сельского хозяйства производилась деревней для собственного потребления, часть продуктов все же превращалась в товар. Теперь есть возможность потребовать от крестьянина частичной замены натуральных взносов денежной повинностью. В Кременецком старостве, как мы видели из люстраций 1552 и 1563 гг., перевод крестьян на денежную ренту был осуществлен. Преобладала денежная рента и в некоторых местах Подолии; кроме того, ульи, баранов, волов было легко превратить в деньги.

¹ Арх. ЮЗР, ч. I, т. I, стр. 211, 243, 280; ч. III, т. I, стр. 115—116; ч. VI, т. I, стр. 171; ч. VII, т. II, стр. 166.

² Там же, ч. VII, т. II, стр. 166; „Жизнь кн. Курбского“, т. I, стр. 310—314.

³ Źródła dziejowe, t. XIX, s. 11, 24, 30.

⁴ Арх. ЮЗР, ч. VII, т. II, ст. 65—67, 126.

В связи с этими хозяйственными изменениями имущественное расслоение крестьян в середине XVI в. углубляется. Крестьянские хозяйства делились на следующие основные группы: дворничьи и лановые хозяйства; полулановые и полудворничьи; огородники первой группы, имевшие немного поля; огородники второй группы, имевшие лишь огороды. Значительную часть крестьянства составляли малоземельные и безземельные крестьяне. Богатые крестьяне эксплуатировали безземельных, а возможно, и малоземельных крестьян. У богатых хозяев были „подсуседки“, „коморники“. Беру одну из многих встречающихся в документах записей этого рода: 1552 г. Луцкое староство, с. Радомысль: „Олизар Ходорович, тивун, дворнице... на том дворнице человека под собой осадил“.¹

Учитывая сложившуюся хозяйственную обстановку, говорить об основании города тем или иным феодальным владельцем можно лишь весьма условно. „Основание города“ могло быть либо признанием феодалом уже свершившегося факта, юридическим оформлением его, либо содействием образованию и росту поселения городского типа, либо, наконец, попыткой, удачной или неудачной, в облюбованном им пункте создать благоприятные условия для возникновения промышленного и торгового центра. Феодал был заинтересован в том, чтобы иметь город в своих владениях. Рост товарно-денежных отношений в его имениях был ему выгоден: он увеличивал доходы феодала. Город давал значительно большие доходы, чем несколько деревень, взятых вместе. Велики были доходы от обложения торгового оборота, от обложения самих торговцев и ремесленников. И, главное, весь доход можно получать столь дорогими в XVI в. деньгами.

Возникновение и рост города создают благоприятные условия для сбыта сельскохозяйственных продуктов, для развития товарно-денежных отношений в деревне. Кроме того, укрепленный город — важный военный и опорный пункт как отдельных феодалов, так и всего государства. В 1574 г. Яцко Бутович „на собственной земле“ в Брусилове, „на дорогах татарских“, строит замок и основывает город „для своего дохода“, „для большого и спокойного обеспечения от поганства татар всего края“.² Король преобразует Литин в город и жалует ему право иметь ярмарки „для лучшего дохода казны нашей“, а также „большой нужды от неприятеля“.³

В 1581 г., превращая Чигирин в город, считали, что этот новый город будет оборонным пунктом на путях татарских, кроме того надеялись, что со временем он будет приносить доход королевской казне.⁴ Такими же мотивами руководствовались в 1616 г. и при основании г. Крылова.⁵

Паны Речи Посполитой, в том числе и украинских земель, не только не препятствовали возникновению новых городов, их юридическому оформлению, но и сами хлопотали о пожалованиях городам грамот на магдебургское право, на ярмарки и торги. Феодалы стремились использовать процесс возникновения городов, направляя его в выгод-

¹ Арх. ЮЗР, ч. VII, т. I, стр. 180.

² Там же, ч. V, т. I. Киев, 1869, стр. 78.

³ Там же, ч. V, т. I, стр. 81.

⁴ Там же, стр. 84.

⁵ Там же, стр. 127

ное для себя русло. Ту же политику проводил в вопросе образования городов и князь Константин Константинович Острожский — „основатель“ Староконстантинова и многих других городов.

II

Город Староконстантинов был основан не на пустом месте. На том месте, где возник город, давно существовало с. Колюшинцы. Это село было известно с начала XVI в. В 1505 г. король Александр предписал кременецкому старосте допустить Ивана Лабунского к владению селами Гребенином, Сахновцами, Колюшинцами.¹ В люстрации 1545 г. обозначены в Кузьминском уезде землянские села — Колюшинцы Лабунского и Колюшинцы Колюшинского.² Ниже увидим, что Острожский покупает у Лабунского лишь часть села. Вероятнее всего, что Колюшинцы и Колюшинцы люстрации 1545 г. одно и то же село, часть которого принадлежит Лабунскому, часть Колюшинскому.

В 1547 г. дети Ивана Лабунского делят между собой отцовские имения. По этому разделу Василию Лабунскому отошли села Колюшинцы, Сахновцы и Скалин, а Богуславу Лабунскому — Городище, Гребенин и Лотовка.³

В 1561 г. 4 января Василий Лабунский продал третью часть Колюшинцев князю Константину Константиновичу Острожскому. Острожский уплатил для тех времен громадную сумму — 5000 коп грошей литовских.⁴ В те годы трудно встретить подобную сумму при покупке имений, даже при покупке целых сел (в 1566 г. с. Плеска продано было за 500 коп грошей литовских,⁵ Колесец в том же Кузьминском уезде был продан в 1569 г. за 140 коп).⁶ Не вызывает никакого сомнения, что покупка была произведена Острожским с определенной целью — основать город. Уже 26 марта того же 1561 г. Константин Острожский получает из королевской канцелярии две грамоты: одну на основание в Колюшинцах города, на ярмарки и торги в нем; другую — на магдебургское право новооснованному городу.⁷ Из второго документа видно, что князь Острожский приступил к созданию города немедленно после покупки Колюшинц, не дожидаясь королевской грамоты; в „имении том“, купленном у Василия Лабунского, князь Острожский „строит замок“, а при нем „начал садить город“.⁸

Город вырос поразительно быстро, да еще по тем временам город значительный. В 1583 г. поборы получены были от 413 домов; из них: рыночных — 23, уличных — 306, „убогих“ — 84. В 1570 г., через 9 лет после основания города, получены были поборы от 188 городских домов, хозяева которых владели полями, да от „халуп убогих“ — 136; кроме того, упоминаются огородники, коморники и другие. Через 9 лет после основания Староконстантинов был уже не только большим населенным пунктом, но и весьма значительным торговым и

¹ Archiwum Rzewusskich (в дальнейшем: Arch. Rzewus.) Summariusz documentum ad bona tractus Stary Konstantynów.

² Źródła dziejowe, t. VI, s. 107.

³ Arch. Rzewus. Summariusz documentum. . .

⁴ Ibid.

⁵ Арх. ЮЗР, ч. VIII, т. VI. Киев, 1911, стр. 191.

⁶ Там же, стр. 264.

⁷ Arch. Rzewus. Summariusz documentum. . .

⁸ Арх. ЮЗР, ч. VII, т. I, стр. 212.

промышленным центром. В 1570 г. был уплачен побор 105 ремесленниками и 14 подмастерьями, в 1577 г. — 20 торговцами.¹

Нельзя забывать, что списки поборов дают цифры значительно преуменьшенные; в действительности Староконстантинов был, очевидно, больше. Возможность превращения в XVI в. обычной деревни в большой город в течение всего лишь 10 лет — маловероятна. Принимая во внимание, что покупка была произведена с явной целью — основать город, учитывая степень хозяйственного развития всей территории (развитие в ней денежного оборота, торговли, городской промышленности) и колоссальную сумму, уплаченную при покупке Колыщинца, мы имеем право предположить, что Колыщинцы и до 1561 г. (год основания города) были селом не обычного типа; возможно, что это был торговый и ремесленный центр, выросший в результате хозяйственного развития территории. Князь Острожский дал юридическое оформление сложившемуся поселению городского типа, предоставил его населению ряд привилегий. Это, безусловно, укрепило город, ускорило его рост. Фраза в грамоте 26 марта 1561 г. о пожаловании магдебургского права Колыщинцам: „к расширению оногo места“ — нам кажется не случайной.² Автор документа констатировал существование поселения городского типа, говорил об условиях, которые должны содействовать его росту.

Итак, в конце XVI — начале XVII в. Староконстантинов был большим городом; документ 1594 г. называет этот город „великим и значительным“.³ Мы не располагаем точными данными о населении Староконстантинова во второй половине XVI в. Более полные сведения о населении города мы имеем начиная с XVII в. В 1603 г. владелец города насчитывал в нем 611 усадеб.⁴ В 1629 г. подымное уплачено с 588 домов (и на этот раз, очевидно, эти данные были преуменьшены).⁵ Инвентарь 1636 г. насчитывает в городе и предместьях его 845 домов.⁶ Уже в 1629 г. Староконстантинов был одним из больших городов Волынского воеводства. Среди его 114 городов Староконстантинов занимал девятое место (первое место занимал Острог: он платил подымное от 1655 домов; Кременец платил от 1224 домов, Корец — от 1124, Острополь — от 1002, Полонное — от 970, Заслав — от 875, Олыка — от 675, Степань — от 636). В Староконстантинове оплачено было 588 жилых строений — больше, чем в столичном городе воеводства — Луцке; больше, чем во Владимире, Ковеле; больше, чем в каждом из остальных 105 городов воеводства.⁷

Староконстантинов был крупным промышленным центром. В 1570 г., как мы уже упоминали, побор был оплачен от 105 ремесленников и 14 подмастерьев.⁸ В 1577 г. в списках побора в этом городе значится 82 хозяина-ремесленника, совсем не имеющих земли.⁹ Староконстантинов был немалым торговым центром. В 1603 г. здесь было 12 каменных

¹ Źródła dziejowe, t. XIX, s. 28, 43, 128.

² Арх. ЮЗР, ч. VII, т. I, стр. 212.

³ Arch. Rzewus., fas. 15, No 28.

⁴ Arch. Rzewus., inv. 1603 A.

⁵ О. Баранович. Ук. соч., стр. 136.

⁶ Пероговский. Очерк из истории города Староконстантинова. „Волыньские епархиальные ведомости“, 1881, кн. 3, стр. 75.

⁷ О. Баранович. Ук. соч.

⁸ Źródła dziejowe, t. XIX, s. 28.

⁹ Ibid., s. 43.

магазинов, 31 усадьба торговцев; кроме того, 15 торговых помещений, принадлежавших Скразе; затем базарные прилавки, рундуки.¹ Торговые связи этого города простирались далеко за пределы близлежащих районов. Характерно, что одна из улиц, именованная в 1603 г. Кузьминской, в 1636 г. уже называется Львовской.² Название это укрепляется в 1650 г.: Львовской называют уже не только улицу, но и западные ворота города, которые раньше тоже назывались Кузьминскими.³ Через город проходят торговые пути; владелец города имеет крупный доход от торговых пошлин. О значительном движении товаров через город говорит сумма мостового сбора: в 1603 г. „мостовое“ дает около 400 золотых в год.⁴ Брали в те времена с одной груженой подводки менее 1 гроша; следовательно, в течение года через город проходили с товаром многие тысячи подвод. В городе устраивались крупные ярмарки; они были настолько многолюдны, что владелец города считал нужным присылать в город на время ярмарки хоругвь пехоты со специальным заданием — „охраны порядка на ярмарке“.⁵ В Староконстантинове происходили большие базары; покупателями сельскохозяйственных продуктов были оторвавшиеся от земледелия ремесленники, которых в Староконстантинове насчитывалось более 100 семейств. Кроме того, покупателями сельскохозяйственных продуктов были торговцы, имеющие лишь огороды, и то половинного размера. В списках поборов 1577 г. таких торговцев числится около 20 чел.⁶ В городе было немало плебеев (значительно более сотни семейств), покупавших продукты питания на базаре. Сельскохозяйственные продукты на базаре покупало также почти все еврейское население (евреев здесь вписано в инвентарь 1636 г. 62 дома,⁷ в инвентарь 1642 г. — 130 домов).⁸ В 1583 г. в Староконстантинове был оплачен побор от 10 профессиональных пекарей;⁹ в 1603 г. насчитывалось 14 профессиональных мясников.¹⁰

Город покупал сырье для промышленности; покупал для вывоза за пределы края продукты сельского хозяйства: овчины, кожи, шерсть, пряжу, солод, зерно, мед, воск, волов, овец, свиней. В городе была воскобойня.¹¹ Зерна везли в город много; „померное от колоды“ было специальным доходом войта. Везли на продажу мясо.

Базар находился в центре города. К нему вели все главные улицы от трех ворот города. Вокруг базара стояли лучшие дома, многие из них — каменные; в 1650 г. из 42 домов, расположенных вокруг базара, каменных было 12.¹² Возле базара жила городская знать.¹³ На самом базаре находились каменные и деревянные торговые помещения. Рядом с базаром помещалась главная церковь города, синагога, а также каменная ратуша с каменной башней, на которой были часы.

¹ Arch. Rzewus., inw. 1603 A.

² Ibid.; Пероговский. Ук. соч., стр. 75.

³ Arch. Rzewus., inw. 1650 A.

⁴ Ibid., inw. 1603 A.

⁵ Ibid., fas. 13, No 3.

⁶ Źródła dziejowe, t. XIX, s. 43.

⁷ Пероговский. Ук. соч., стр. 75.

⁸ Arch. Rzewus., fas. 15, № 29.

⁹ Źródła dziejowe, t. XIX, s. 128.

¹⁰ Arch. Rzewus., inw. 1603 A.

¹¹ Ibid.

¹² Ibid., inw. 1603, 1650 A. A.

¹³ Ibid., inw. 1603 A.

Общественная структура города была сложной. Наряду с большими группами людей, занятых в промышленности и торговле, не мало было горожан, тесно связанных с сельским хозяйством. Для одних сельское хозяйство являлось побочным занятием, для других — главным, для третьих — единственным. Среди горожан была группа крупных землевладельцев; земли их в документах названы фольварками. У некоторых горожан при фольварках были дома; там они и жили. В фольварках были поля, сенокосы, сады, лесные участки; встречаются даже пруды (в 1603 г. их было 14). Раскинулись эти фольварки широко: к северу от города они растянулись приблизительно на 25 км и доходили до Капустина и Шкаровки; к югу от города они растянулись на 10 км и доходили до Жеробок. Владельцы таких больших хозяйств эксплуатировали рабочую силу; известно, что на фольварках работали коморники. Автор инвентаря 1603 г. упоминает о пожаре, в результате которого сгорело 44 фольварка. Характеризуя степень опустошения после пожара, он отмечает: в них живут сами хозяева; „даже временно“ коморников нет. Из остальных 45 фольварков половина имеет коморников (27 коморников),¹ но, кроме коморников, у таких больших землевладельцев-мещан возможно были и зависимые от них крестьяне, имевшие свои усадьбы и дома, свое хозяйство. Имущественное положение хозяев фольварков не одинаково: встречаются хозяева, имевшие по 2—3 хутора; в 1636 г. таких хозяев насчитывалось 22 чел.² Инвентарь 1636 г. разбивает фольварки на группы: дворищные, полудворищные, третинники.³ Были мещане, занимавшиеся исключительно земледелием и имевшие небольшие участки поля.

Существование в больших городах того времени — Львове, Каменце — богатых купцов и ростовщиков, общеизвестно. Конечно, Староконстантинов — не Львов и даже не Каменец. Но и в Староконстантинове была крупная торговля, бывали большие ярмарки; и из этого района за границу везли воск, мед, овчины, гнали скот; и сюда привозили товары из-за границы. Денежные люди в городе были не только среди купцов; пань сдавали в аренду в городе и в его окрестностях за большие деньги монопольное право на торговлю спиртными напитками, право собирать торговые пошлины; сдавали в аренду мельницы, пруды и пр. Арендаторами могли быть и местные жители. Несомненно, в городе были люди, занимавшиеся и ростовщичеством.

Присмотревшись к землевладению мещан, к городской торговле, к аренде панских монополий, можно представить, из кого состояла городская аристократия, городской патрициат. В состав его входили, прежде всего, владельцы больших фольварков. Возможно, они играли среди городской аристократии ведущую роль. Эта группа городской знати была очень богата и влиятельна во многих городах Украины XVI в. Таких землевладельцев-мещан, владельцев хуторов и пасек, мы видим, читая люстрации, и в Черкасах, и в Каневе, и в Виннице, и в Брацлаве. О размерах хозяйств землевладельцев-мещан рассказывает люстратор Брацлавского замка 1545 г. Он пишет: в городе таких хозяйств было 27, некоторые из них тянулись на милю, либо полмили. И не без зависти шляхтич-люстратор добавляет: „каждая такая мещан-

¹ Arch. Rzewus., inw. 1603 A.

² Пероговский. Ук. соч., стр. 78.

³ Там же, стр. 77.

ская пасека стоит три шляхетских деревни“.¹ В состав городской аристократии входили, конечно, и богатые купцы, и ростовщики, и откупщики панских монополий. Возможно, некоторые из них были владельцами фольварков. Бюргерство представлено здесь прежде всего цеховыми мастерами, привилегированными монополистами. Цехи того времени не позволяли лицам, не входившим в их состав, не только производить в данном городе промышленные изделия, но и продавать без разрешения цеха привезенные промышленные изделия.² Замыкаясь высокими вступительными взносами и испытаниями, цехи стали наследственной привилегированной корпорацией. К средним слоям города принадлежали также многие владельцы фольварков и торговцы.

Известно, что во второй половине XVI в. в Староконстантинове имелась группа подмастерьев. В городе и на фольварках работало большое количество коморников и подсосудков. В 1603 г. в описи города отмечено 30 подсосудков в городе и 27 коморников на фольварках города.³ В 1636 г. было зарегистрировано в городе 85 подсосудков.⁴ Как было указано выше, в городе жило много „халупников убогих“ — людей, существовавших случайным заработком; были люди, не имевшие постоянного местожительства; временно жил люд „праздношатающийся“ (с точки зрения феодальных хозяев).⁵ Много было бедноты среди евреев. Пополнялась плебейская часть городского населения беглецами из крепостных деревень. Такие беглецы, конечно, не регистрировались, и о них имеются лишь случайные сведения. Возможно, в связи с судебным процессом о выдаче сохранилась в архиве владельцев города заметка о таких крестьянах-беглецах. В этой заметке упоминаются беглецы из окрестностей г. Дубно — Микитич, Заболотья, Каменицы, Рогозного, Жабокрик; беглецы из района, находящегося между Кременцем и Ямполом, — Матвеевец, Гнилорудки и других.⁶

Староконстантинов, как мы уже упоминали, был важным укрепленным пунктом своего владельца, крупнейшего магната — князя Константина Константиновича Острожского. Не случайно город назвали его именем.

Город был опоясан мощными, по тем временам, укреплениями. Внутри города находилась вторая линия укреплений, расположенных вокруг замка. В замке и городе имелась артиллерия и большие запасы боеприпасов. Князь был весьма заинтересован в существовании на его территории этого укрепленного пункта. Он требовал, чтобы укрепления постоянно поддерживались в состоянии полной исправности, предписывал „внимательно наблюдать за тем, дабы город ничего не опускал из того, что касается его наилучшей готовности“, „внимательно наблюдать, чтобы хорошо исправлялись валы, мосты, взводы, дороги“.⁷

Строили городские укрепления и защищали их прежде всего горожане. Привилегии горожанам выдавались с условием выполнения определенных обязанностей; главной из них была обязанность укреплять город. Так, например, в 1600 г. Сангушко жалует г. Горохову

¹ Арх. ЮЗР, ч. VI, т. I, стр. 26.

² С. А. Бершадский. Ук. соч., стр. 230.

³ Arch. Rzewus., inw. 1603 A.

⁴ Пероговский. Ук. соч., стр. 77—78.

⁵ Źródła dziejowe, t. XIX, s. 128.

⁶ Arch. Rzewus. Summariusz dokumentum. . .

⁷ Arch. Rzewus., fas. 13, № 20.

Волинского воеводства магдебургское право, земли, торги, ярмарки, а горожане обязаны за это обвести город валом, построить стены и башни, иметь „стрельбу“.¹ Шляхта Речи Посполитой на сейме 1633 г. приветствует основание и укрепление города Брод, ибо, — заявляла она, — когда города „хорошо организованы и хорошо укреплены, выгода коронным обывателям в их нуждах во время беспокойствия и войны“. Поэтому шляхта постановила пожаловать Бродам „вольности“, желая э.им „данный город прихотить и побудить к хорошему порядку“ и созданию укреплений.² Староконстантинов не составлял в этом отношении исключения. Основывая город, князь Константин Острожский создавал опорный пункт своего господства на данной территории, с целью использования его „во время беспокойствия и войны“. Получая привилегии, мещане и этого города обязаны были создавать и поддерживать городские укрепления. В инвентаре 1603 г. записано: „мещане обязаны исправлять мосты, стены вокруг города, башни, ворота“ и об исправном состоянии их „заботиться“. Замок укреплял и исправлял, очевидно, сам владелец города. В 1645 г. владелец предписывает арендаторам города „подумать о ремонте замка“. На ремонт замка и строений в нем владелец обещал отпустить дерево из миропольских лесов; если ремонт будет значительный и арендаторы произвести его домашними средствами не смогут, владелец разрешал им взять деньги из последнего взноса арендной платы.³

Привилегии, данные феодалами Речи Посполитой группам городского населения, связывали интересы этих горожан с интересами феодалов. Опираясь на поддержку феодалов, городской патрициат становился хозяином города, имел возможность держать в подчинении и эксплуатировать все городское население, использовать в своих личных интересах городские доходы. Известно, что городское управление в воеводствах Волинском, Подольском и других в XVI в. было в руках кучки патрицианских семейств. Бюргерство (цеховые мастера прежде всего) в городах Европы, Польши и Украины ведет борьбу с хозяйничанием городского патрициата, но требования его, как говорил Энгельс, носят чисто конституционный характер.⁴ Ведь монопольное положение замкнутой привилегированной цеховой организации гарантирует тот же феодальный строй; он гарантирует цеховой организации и господство над эксплуатируемыми подмастерьями и учениками.

В войне с другими государствами (конкретно на данной территории — с Турецкой империей и Крымским ханством) привилегированные горожане — верхи и средние слои города — объединяются с феодалами; их интересы совпадают и на известном этапе борьбы феодалов с поднимающимся против феодального строя крестьянством. Ведь все официальные сословия феодального общества жили за счет эксплуатации крестьян. Вся иерархия феодального общественного строя (князь, дворянство, попы, патриции, городские бюргеры) ложилась своею тяжестью на крестьянство.⁵ В период подъема революционной борьбы крестьян временно прекращается борьба сословий, сглаживаются их

¹ Арх. ЮЗР, ч. V, т. I, стр. 90.

² Volumina legum, t. III, p. 387.

³ Arch. Rzewus., fas. 13, № 20, 23.

⁴ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. Партиздат, 1932, стр. 16.

⁵ Там же, стр. 29.

противоречия, они выступают против крестьян как объединенная и тесно сплоченная сила.¹

Феодалы имели основание полагать, что привилегированным мещанам можно доверить не только постройку и содержание городских укреплений, но и оружие, можно использовать их как вооруженную силу во время войны и даже „неспокойствия“. И действительно, магдебургское право и другие привилегии жалуются городам не только под условием создания и поддержания городских укреплений, но и с обязательством несения военной службы. В грамоте г. Луцку на магдебургское право и другие привилегии, пожалованной в 1497 г. и подтвержденной в 1513, 1560 и 1576 гг., сказано, что, получив эти привилегии, жители города обязаны во время военных действий оборонять стены города; если же неприятель их со стен собьет, они должны отойти в замок и там вместе со шляхтой отражать врага.² При подтверждении магдебургского права и других привилегий гор. Киеву, подчеркивалось, что мещане за это должны отбывать „стражу в поле“, „стеречь замок“ и выступать против неприятеля „каждый своей головой конно и оружно, соответственно своей состоятельности“.³

Эта практика была применена и в Староконстантинове. Каждый мещанин этого города, под угрозой штрафа в размере одной копы грошей, обязан был иметь оружие, запас оловянных пуль и 2 фунта пороха. Основная масса мещан во время военных действий обороняла стены и валы города, а владельцы больших фольварков во время военных операций обязаны были выступать конно, со своими людьми и оружием. Так мещане, владеющие фольварками, выставляли 36 всадников.⁴

Мещанские отряды не являлись единственной вооруженной силой в городе. Городские укрепления, в первую очередь замок, составляли базу и опорный пункт для всех вооруженных сил князя. Основным войском во время военных операций были вооруженные силы владельца города, мещанские отряды — вспомогательным. Вооруженные силы князя состояли прежде всего из шляхтичей, получивших и державших деревни на условиях вассальной службы. В люстрации 1545 г. в качестве вооруженной силы Красиловского замка — центра всего Кузьминского уезда — указаны земляне, владельцы сел.⁵ Этот род войск мы видим здесь вплоть до 1648 г. В 1620 г. князь Януш Острожский жалует своему слуге, шляхетному Самуилу Юровичу, села Кисели и Писаревку, с условием несения военной службы „к замку Константиновскому“, подобно другим шляхтичам, державшим имения от князя в районе этого города.⁶ Из таких шляхтичей здесь была создана отдельная кавалерийская часть, опиравшаяся на Староконстантиновский замок. В 1649 г. князь Доминик Заславский, владевший в то время городом и селами вокруг него, дает в пожизненное владение Криштофу Свищевскому с. Сушки с обязанностью службы в гусарской хоругви Константиновской.⁷

¹ Ф. Энгельс. Ук. соч., стр. 30.

² Арх. ЮЗР, ч. V, т. 1, стр. 12—13.

³ Акты Южной и Западной России, т. II. СПб., 1865, стр. 126—128.

⁴ Arch. Rzewus., inw. 1603 A.

⁵ Źródła dziejowe, t. VI, s. 107.

⁶ Центральный Архив древних актов в Кьеве (в дальнейшем: ЦАДА), кн. 1538.

⁷ Acta grods. i ziem. we Lwowie, t. X: 1884, s. 261.

Из шляхты можно было составить хоругвь, но ведь это небольшой отряд. Панам приходилось увеличивать свои вооруженные силы, привлекая к военной службе и некоторых крестьян. Из зажиточных крестьян набирали „бояр“, несших военную и полицейскую службу в имениях. В 1582 г. мы видим в Шупкове 15 бояр, в Шпанове — 4;¹ в 1600 г. — в Деревине 2;² в 1634 г. в Холопичах — 2.³ Были они и в ключе Константиновском. В пригородном с. Стариках мы встречаем несколько бояр.⁴ Они, несомненно, были и в других селах.

У князя был еще один отряд войск, совершенно чуждый местному населению и поэтому более надежный во время восстания закрепощенного крестьянства. Это были татары. (К слову, татарские военные отряды на панской службе мы встречаем не только у князя Острожского). В начале XVII в. они жили в предместье Старокопстантинова — Стариках, татары занимали 24 дома; в каждом доме жило по 2—3 семьи.⁵ В 1636 г. в предместье Старокопстантинова, Новом городе было 60 татарских домов; 25 из них считались богатыми, 35 — бедными.⁶ Татары никаких барщинных повинностей не несли и чинша не платили.⁷ Из них был составлен татарский военный отряд — татарская хоругвь.⁸ Они оставались мусульманами, имели своего „духовного“.⁹ Рост денежных доходов феодалов позволяет им заводить и отряды наемных войск. Выше мы видели хоругвь пехоты, присылаемую в город во время ярмарок.

Организованный таким образом опорный пункт феодального господства на определенной территории Волинского воеводства — гор. Старокопстантинов выдержал ряд испытаний. Во второй половине XVI и первой половине XVII вв. было несколько больших нападений Крымской орды на эти районы. Известны нападения 1575, 1593, 1595, 1616, 1617, 1618, 1624 гг. Окрестная территория подвергалась опустошению неоднократно, но гор. Старокопстантинов уцелел; он не был взят, жители отсиделись за укреплениями. Здесь находили приют и спасение и жители деревень, успевшие пробраться в город.¹⁰

Старокопстантинов сослужил службу шляхте и во время „непокойствий“. В 1592 и 1593 гг., осенью и в начале года, Косинский взял ряд городов и замков, но Старокопстантинова занять не мог. Старокопстантинов стал опорным пунктом князя Острожского в его борьбе с восстанием. К этому опорному пункту стягивались войска князя Острожского и других панов, собиралась шляхта. Отсюда началось панское наступление против Косинского.

Шляхта Волинского воеводства, избирая послов на Варшавский сейм 1638 г., оценила значение Старокопстантинова как своего опорного пункта. В инструкции послам написано: этот укрепленный пункт „может противостоять всем татарским нападениям, в этом деле может сослужить службу не только воеводству Волинскому, но и всей Речи

¹ КЦАДА, кн. 2097, л. 517.

² Там же, кн. 956, л. 206.

³ Там же, кн. 1002, л. 108.

⁴ Arch. Rzewus., inw. 1603 A.

⁵ Ibid.

⁶ Пероговский. Ук. соч., стр. 75—78.

⁷ Там же.

⁸ Там же, стр. 67.

⁹ Там же, стр. 75.

¹⁰ Там же, стр. 277, 111—115; Arch. Rzewus. Summariusz documentum.

Посполитой“. Поэтому послам воеводства вменялось в обязанность хлопотать на сейме, „дабы этому городу были даны вольности и привилегии, как Замостью и Тарнуву“.¹ В 1648 г. шляхта Вольнского воеводства обязывает своих послов добиваться в сейме, чтобы Старо-константинову „было дано освобождение от солдатских постоев и других податей и чтобы это было утверждено конституцией“, ибо „на Константинове покоится сила всей Украины“.²

Города, являвшиеся основными опорными пунктами феодального господства, были и резиденциями самих феодалов. Одной из резиденций князя Константина Константиновича Острожского и стал основанный им Константинов. Во второй половине XVI в. здесь был построен каменный дворец князя. В замке, а также и в самом городе в тревожное время находили приют окрестные шляхтичи; в 1636 г. в замке имелись 72 пустые кладовые, предназначенные служить местом хранения шляхетского имущества.³ Некоторые из шляхтичей обзавелись усадьбами в городе; в 1636 г. только на Стариках было 13 домов шляхты.⁴ Замок князя находился в сердце города. В военном отношении замок господствовал над городом; его укрепления и пушки могли служить не только против неприятеля, ворвавшегося в город, но и против самого города, если бы он вышел из повиновения.

Князь господствовал над городом, опираясь на свои вооруженные силы, на укрепления замка, на поддержку привилегированной городской верхушки, прежде всего городского патрициата. Городское самоуправление подчинено было воле князя, действовало под его контролем, проводило его политику.

Большим влиянием в городе пользовалась православная церковь. Ее поддерживали не только верующие мещане, богато обеспечивал ее прежде всего сам князь Константин Константинович Острожский — „ревнитель православия“. В городе, насчитывавшем несколько тысяч жителей, имелось шесть церквей.⁵ Строителем этих церквей был сам князь. Сохранившиеся до наших времен каменные церкви, Троицкая и Успенская, построенные искусными мастерами, — ценные памятники архитектуры XVI в. Князь щедро наделял духовенство. Настоятель Троицкой церкви в XVI в. получил от князя пожалование на с. Иршики и померное от мельниц Старокопстантинова, в десятый день. Священник Троицкой церкви — помещик, владеющий крепостными крестьянами. Настоятель Успенской церкви в 1590 г. получил от князя „хутор“ и дом в городе. Ему же в 1602 г. пожаловано было померное от трех колес Старокопстантиновской мельницы, в каждую пятницу. Духовенство города получило от князя признание независимости духовных дел от светского суда.⁶ Недаром духовенство восхваляло князя, превозносило его приверженность к православной церкви; недаром в церквях города молились о здоровье „князя, его милости“, „отца и протектора нашего“, молились „за счастливое его панование“.

¹ Арх. ЮЗР, ч. II, т. 1. Киев, 1861, стр. 243.

² Там же, стр. 332.

³ Пероговский. Ук. соч., стр. 71—72.

⁴ Arch. Rzewus., inw. 1603 A; Пероговский. Ук. соч., стр. 75.

⁵ Arch. Rzewus., inw. 1603, 1650 A. A.; Arch. Rzewus., fas. 8, № 2; Пероговский. Ук. соч., стр. 163—170.

⁶ Arch. Rzewus., fas. № 1; Пероговский. Ук. соч., стр. 167—168.

III

Рост денежной ренты, рост промышленности и торговли влек за собой и рост феодальной роскоши.

В описаниях быта и имущества панов Украины XVI в. часто мелькают упоминания о серебряной и позолоченной посуде, об оружии, оправленном золотом и драгоценными камнями, о дорогих коврах, ценных мехах, роскошных материях, породистых лошадях. В дворцах устраивались пышные приемы, на которые собирались сотни гостей. Не было границ помещичьей роскоши и тратам.

Расточительство панов поглощало все доходы от имений. Многие имения были заложены; уже не одна панская семья заложила ростовщину и „клеяны“ — домашнее золото и драгоценные камни. Актовые книги XVI в. переполнены такими залоговыми записями. Немало панов Украины обанкротилось, имения их перешли к ростовщикам; многие находились на грани банкротства. Где добыть денег? Этот вопрос становится вопросом жизни и смерти для многих феодалов Украины. „Если дворянство не желало погибнуть, ему необходимо было выколачивать больше дохода из своего поместья“, — говорит Энгельс о немецком дворянстве, очутившемся в аналогичном положении.¹ Отсюда новый нажим на крестьян, увеличение оброков и барщины.² Выходом для помещиков Германии было возвращение к отработочной ренте. Это позволяло помещику использовать все рабочее время крестьянина, сверх необходимого для удовлетворения его минимальнейших потребностей, а если будет нужно — забрать и часть этого времени. Никакой оброк не давал феодалу таких широких возможностей. Маркс писал: „... рента продуктами, в которых представлен прибавочный труд, может и не исчерпывать всего избыточного труда деревенской семьи. Напротив, производителю дается здесь большой простор для того чтобы найти время для избыточного труда, продукт которого принадлежит ему совершенно так же, как продукт его труда, удовлетворяющий его необходимейшие потребности“.³ Поэтому „единственный путь“ увеличения доходности имений состоял в обзаведении „собственным хозяйством“, которое обрабатывалось бы „в форме барщины“.⁴ „Снова наступило время «неограниченных повинностей»: барин мог требовать на работу крестьянина, его семью, его скот так часто и на такой срок, как ему было угодно“.⁵

В этом же направлении ищут выхода из затруднительного положения и помещики Польско-Литовского государства, в том числе и его украинских земель. Не следует забывать при этом, что Германия находилась рядом с Польшей; приемы хозяйничанья немецких помещиков были известны помещикам Польши; опыт их мог быть использован.

В поисках способов увеличения доходности своих имений паны-шляхта производили всякие эксперименты; появляется специальная

¹ Ф. Энгельс. Марка. Партиздат, 1933, стр. 13.

² Там же, стр. 16.

³ К. Маркс. Капитал, т. III, ч. II. Госполитиздат, 1949, стр. 808.

⁴ Ф. Энгельс. Марка. Партиздат, 1933, стр. 17.

⁵ Там же, стр. 18.

литература. Характерной в этом отношении была изданная в 1588 г. книга польского помещика Азелма Гостомского — „Хозяйство“. Книга имела большой успех в помещичьих кругах и разошлась в нескольких изданиях. Азелм Гостомский приобрел славу весьма практичного хозяина, ведущего хозяйство с большим успехом. Он не только не разорился при этих затруднительных для феодалов обстоятельствах, но сумел даже разбогатеть: увеличил число своих стад и крепостных крестьян, прикупил имения сыновьям, дал большое приданое дочерям и, кроме того, после своей смерти оставил огромную сумму денег — около 400 000 злотых.¹

Каким путем добился Гостомский таких громадных успехов, что он рекомендовал предпринять, чтобы увеличить доходность помещичьих имений? Гостомский считал необходимым обратить главное внимание на отработочную ренту. Он писал: „работа хлопков — это доход, либо чистая прибыль, наибольшая в Польше“.² В своих имениях он увеличил барщину до громадных размеров, требуя от каждого крестьянского хозяйства по 208 упряжных дней в год.³ Гостомский явно старался использовать растущий в XVI в. экспорт продуктов сельского хозяйства. Он советовал помещикам взять в свои руки продажу сельскохозяйственных продуктов, рекомендовал феодалам запретить привоз муки в подвластные им города из имений других помещиков, описывал, как сам посылал на базар служащего из имения, и тот объявлял: „У моего хозяина достаточно молоченой ржи. Кому нужна рожь, иди в имение моего хозяина, там продам ржи, сколько кому нужно“.⁴

Гостомский рекомендует не оставлять без внимания ни одной отрасли хозяйства, продукция которой может быть превращена в деньги на местном или заграничном рынке. Он советует использовать крепостной труд для заготовки досок, бочек, обручей, смолы, на которые есть спрос на рынке; наладить таким же способом производство кирпичика, гвоздей, масла льняного, конопляного, репного. Чтобы устранить конкуренцию и продавать эти изделия по высокой цене, помещик может, пользуясь феодальной властью, установить монополию на продажу этих предметов.⁵ Само собою разумеется, что продажа водки и пива должна быть также помещичьей монополией. Гостомский отлично понимал, что монополия продажа вина населению является весьма серьезным источником денежных доходов помещика.⁶

Гостомский рекомендовал еще одно средство, которое должно было способствовать обогащению помещиков, — не допускать, чтобы крестьяне покупали необходимые им продукты в городе. Этими продуктами помещик может торговать сам. Гостомский так и делал: в Торне, куда он привозил из своих имений зерно и другие продукты, Гостомский закупал оптом необходимые ему и крепостным крестьянам его имений продукты (рыбу, соль, железо) и продавал их крестьянам по рыночным ценам. Под угрозой штрафа в 16 гривен крестьянам воспрещалось производить покупки в каком бы то ни было другом месте.

¹ J. Baranowski. „Gospodarstwo“ Azelma Gostomskiego. Warszawa, 1914, s. 21.

² Ibid., s. 65.

³ Ibid., s. 72.

⁴ Ibid., s. 30.

⁵ Ibid., s. 33.

⁶ Ibid., s. 32.

Не следует допускать, продолжал Гостомский, чтобы крестьяне пользовались услугами городских ремесленников. В деревнях должны быть свои кузнецы, ткачи, колесники, бочары и т. д. Фольварк должен расходовать как можно меньше денег. Все необходимое для фольварка, от матов до обручей, должно быть изготовлено крепостными ремесленниками; недопустимо тратить на это деньги имения.

Книга Гостомского была очень популярной в панских и шляхетских кругах и разошлась в нескольких изданиях. Она описывала практику, проводившуюся многими крепостниками Речи Посполитой.

Уже в третьей четверти XVI в. во многих имениях Волыни главной обязанностью крестьян стала барщина. В 1571 г. в Рыканах и Мостищах и в 1573 г. в Буремле крестьяне работали на барщине по 3 дня в неделю, пока еще от дворища.¹ В 1573 г. в Цевове и в 1579 г. в Печихвостах работали от дворища ежедневно.² К 1572 г. в Берестечке (в той части, которая принадлежала пану Андрею Русину) все крестьяне были переведены полностью на отработочную ренту — взносов ни деньгами, ни зерном не делали, выполняли лишь барщинные работы.³ Это наступление феодалов, усиление эксплуатации вызвало резкий отпор со стороны крестьян. Начались восстания, пока еще разрозненные. В источниках сохранились некоторые сведения о сопротивлении крестьян. В 1575 г. в с. Белостоке Луцкого уезда (повета) Волынского воеводства крестьяне отказались выполнять барщину. Владелец не в силах был принудить их к повиновению.⁴ В 1567 г. на Волынском Полесье, в Чернечгородке, крестьяне восстали. Народ ринулся разыскивать управителя, панских слуг, но те успели убежать. Крестьяне поймали десятника Левона и жестоко избили его. Восставшие крестьяне, как рассказывал панский слуга, „должных платежей — денежных чиншей, дни медовой, ржи дякольной — пани моей не отдают и в подводу, куда нужно, ехать не хотят“. Из-за этих подвод и началось дело. Возному, приехавшему из города для выяснения дела, крестьяне заявили: „в подводу не поедем и ржи дякольной не поведем“, и добавили: „десятника избили за то, что он нас грабил, а управитель и старец те сами удрали; если бы не удрали, с ними могло бы быть то же, что и с десятником, ибо старец большой наш неприятель“.

Подводная повинность была одна из самых тяжелых барщинных работ. Мало того, что она требовала большой затраты времени, на тяжелой дороге подрывали силы лошади и волы. Выведенные из себя непосильным бременем, крестьяне ополчились против помещиков и против тех, кто помогал им грабить крестьян. С заявлением к возному явился и чернечгородский священник. Он говорил: „крестьяне за то, что я им не помогаю в бунтах, церковь от меня отняли, самого меня побили, а церковные ключи сорвали у меня с пояса“.⁵

Прошло несколько месяцев, а восстание не только не было подавлено, но распространилось на окрестные деревни, на много километров вокруг. Поднялись крестьяне сел Колок, Рудников. На место восстания были посланы комиссары с королевским письмом; их

¹ Арх. ЮЗР, ч. VIII, т. VI, стр. 349, 353; ч. VII, т. I, стр. 240.

² Арх. ЮЗР, ч. VI, т. I, стр. 97; ЦАДА, кн. 2053, л. 222—223.

³ Арх. ЮЗР, ч. I, т. I, стр. 56.

⁴ КЦАДА, кн. 2039, л. 121—122.

⁵ КЦАДА, кн. 935, л. 4—5.

сопровождал отряд, составленный из шляхтичей и слуг пани Фаличевской, владевшей Чернечгородком. Крестьяне Чернечгородка и Колок „письма государя и комиссарского не приняли“ и через своих уполномоченных ответили, что они новых работ и повинностей выполнять не будут. Слуга пани Фаличевской, пан Ледницкий, смог сделать лишь одно: „положивши перед ними на землю“ копии писем короля и комиссаров, „он ушел прочь“.¹

В этом же 1567 г. в связи с вопросом о барщинных работах восстали крестьяне с. Секуня. Село Секунь находится возле Ковеля, по дороге к Бресту. Крестьяне отказались идти в имение на работу и платить помещику долги. С письмом короля по этому делу приехал в село пан Богуш Деревинский. Он поселился в помещичьей усадьбе и вызвал к себе крестьян. Три дня сидел в усадьбе Деревинский в ожидании крестьян, но напрасно — крестьяне не шли. Тогда Деревинский со шляхтой, бывшей при нем, поехал в село, как рассказывает сам, „желая тех людей секунских выгнать на работу“ и принудить их заплатить долги помещику. Но крестьяне, — продолжает Деревинский, — собравшись в числе около 30 человек, „погнались за мной с палками и цепами и слугу моего, пана Лаского, поколотили“. Деревинский из Секуня убежал в Ковель и обратился там за помощью к „вряднику“ Ковальского ключа, но тот, очевидно чувствуя свое бессилие, ответил: „пан Ласко — владеец Секуня — имеет их в своей власти, то пусть и карает“.²

В 1563 г. произошло восстание крестьян недалеко от Константинова, в Ляховецком ключе. 28 мая крестьяне сел Войнигова, Кащинец, Вариводинец и жители самих Ляховец „с разным оружием“ ворвались в усадьбу помещика и вломилась в дом. Помещика своего, Матвея Сенюту, „убили насмерть и замучили“.³ В 1567 г. собственные крестьяне убили пана Федора Останка-Яминецкого, ворвавшись в его дом.⁴

Предотвратить собственное разорение методом беспощадного ограбления крестьян панам было не легко. Крестьяне сопротивлялись, а сломить их сопротивление не хватало сил.

К югу от Староконстантинова, на Литовской Украине, дела помещичьи шли еще хуже. В 1545 г. помещики окрестностей Винницы жалуются королевскому люстратору: „хлопы распустились“, крестьянин „на помещика ничего не делает“, помещики пребывают в постоянном страхе, ожидая от крестьян „бед“.⁵ Обстановка на Украине, входившей в состав Великого княжества Литовского, становилась угрожающей для помещиков.

„Спасение“ пришло с Запада. „Братскую помощь“ панам и шляхте Украины оказали паны и шляхта Польши. Конечно, не бескорыстно. И магнаты из „дома Мнишков“, Конецпольских, Потоцких и ходачковые шляхтичи из захолустной мазурской деревеньки в момент острой нехватки денег мечтали о богатой Украине. Рассказывали: земля там урожайная, жирный чернозем, не то, что мазурские пески и болота; зверя, дичи, рыбы много, большое обилие продуктов

¹ КЦАДА, кн. 2041, л. 268—269.

² Там же, кн. 934, л. 59.

³ Арх. ЮЗР, ч. VI, т. I, стр. 46.

⁴ КЦАДА, кн. 2041, л. 230.

⁵ Zrośla dzieiowe, t. VI, s. 108—116.

природы; „реки текут молоком и медом“; там „хлопа много“, к тому же „хлоп там богатый“, не то, что свой, совсем уже ободранный. Уже давно паны Польши предлагали панам Украины объединиться в „одно тело“. Но раньше паны Украины на это объединение не соглашались, надеялись сами справиться. Теперь они стали сговорчивее. Терпя поражение в грабительском походе на крестьян, паны Волыни с завистью наблюдали, как в соседнем Подольском воеводстве, в особенности в землях Львовской, Белзской, находившихся в составе Короны Польской, помещики сумели сломить сопротивление крестьян и погнать их на барщину. В 1565 г. в селах Каменецкого староства — Киптинцах, Должке, Голоскове — крестьяне отбывали барщину по 2 дня в неделю, в Лисковицах — по 3 дня.¹ Даже в Барском старостве, в с. Шершеневцах, крестьяне отбывали барщину по 2 дня в неделю.² Барское староство — украинное; зараза „непослушности хлопской“, „своеволия украинского“ здесь ощущается весьма сильно, а все же и в этой местности, входящей в состав Короны Польской, паны ухитрились содрать с крестьянина значительно больше, чем в местностях, находившихся в аналогичных условиях Великого княжества Литовского.

Возьмем два соседских украинских староства. Одно из них входило в состав княжества Литовского — староство Винницкое, другое — в состав Короны Польской — староство Барское. В 1552 г. была произведена люстрация обоих этих староств. В Винницком старостве барщина невелика и нормирована — 3 либо 4 дня в год. В люстрации Барского староства записано: крестьяне должны работать столько, сколько будет нужно помещику. В Барском старостве крестьяне дают от каждого хозяйства по 10 третинников овса, по 4 третинника пшеницы, по 2 петуха, по 10 яиц, по 4 гроша, двадцатую свинью, двадцатую овцу, десятину от пчел, раз в 3 года десятину от волов. Третинник овса оценивается в 8 грошей, третинник пшеницы — в 12 грошей. В денежном выражении одна только дань овсом и пшеницей от каждого крестьянского хозяйства составляет в год 128 грошей.³ В старостве Винницком в разных селах платят по-разному. Если дают овес и деньги, то небольшие — 12 грошей и 4 третинника овса, т. е. в переводе на деньги, по 52 гроша с хозяйства. Это наиболее высокие взносы, а встречаются взносы, общая сумма которых не превышает 28—19 грошей. Поволовщины — дани от свиней и овец в Винницком старостве не видно.⁴ К тому же нужно учесть, что в люстрации Барского староства отмечено разрушение сел этого староства татарами в 1550 г., поэтому крестьянам было дано облегчение в платежах. В люстрации Барского староства 1552 г. не отмечен еще один побор, который мы видим в люстрациях этого же староства 1564 и 1570 гг., — „стация“.⁵ Стации составлялись из следующих продуктов: овса — 3 третинника, ржи — $\frac{1}{2}$ третинника от каждого хозяйства; кроме того сюда входили крупа, сыр, масло, пряжа. В переводе на деньги это составляло еще около 40 грошей. Таким

¹ Арх. ЮЗР, ч. VII, т. II, стр. 165—215.

² Там же, стр. 253—266.

³ Там же, ч. VII, т. I, стр. 148—165.

⁴ Там же, стр. 598—611.

⁵ Стация — сначала продукты князю и его двору при их гереездах; впоследствии — постоянный налог.

образом, паны Винницкого староства получали с крестьян в лучшем случае меньше половины того, что получали паны в соседнем Барском старостве, в худшем — не имели и шестой доли.

Серьезной помощи в борьбе с крестьянскими восстаниями литовское панство не оказывало, а неприятностей чинило не мало. Паны Рады Великого княжества Литовского настойчиво стремились проверить права местных помещиков на имения. Люстраторы 1545 г., производившие эту проверку на месте, потребовали от местных помещиков „грамоты-привилегии на имения“.¹ Но грамот на многие имения не оказалось, ибо большое количество сел и крестьян было расхвачено без всяких грамот. Эта попытка литовских панов отнять значительную долю имений у местных феодалов вызвала среди последних общее возмущение и единодушный отпор. Паны Воьлини ответили: когда покажут грамоты паны Литвы и Белоруссии — земли Жмудская, Полоцкая, Витебская — тогда и мы покажем; т. е. прежде чем у нас требовать документы на владение, покажите свои.²

В обиде считали себя паны Воьлини и в связи со сбором налогов на „земскую оборону“. Паны Воьлини, как и других земель Украины, платили налоги с имений на содержание вооруженных сил Великого княжества Литовского. Деньги давали, а ощутительной военной помощи во время татарских нападений не имели; теперь же помощи, так необходимой, чтобы сломить сопротивление крестьян, и вовсе не видно было. На сейме 1547 г. паны Воьлини заявили, что их интересует, куда „делись те деньги, которые они давали неоднократно на земскую оборону?“ Правители Литвы им ответили: подскарбий, ведающий этими деньгами, уже дал отчет в их израсходовании королю и панам Рады и доказал, „что эти деньги выдал надлежащим образом на обычные земские нужды Речи Посполитой“.³ Было ясно, что военной помощи от панов Рады нечего ждать.

К правительству Великого княжества Литовского у шляхты Воьлини были еще претензии. В 1551 г. помещики требовали предоставления им права свободно держать в своих имениях питейные дома, что давало бы им громадный доход, но получили отказ.⁴ В 1554 г. шляхта добивается освобождения своих имений от стадий и подвод, — отказали и в этом.⁵ Средних и мелких помещиков возмущало и привилегированное положение в Великом княжестве Литовском больших панов, их обращение с „шляхетским народом“, особенно бесцеремонное, когда этот пан занимал крупный административный пост. Паны, члены Рады, были неподсудны местному суду, отвечали лишь перед королем и Радой. Местному „земянину“ и ездить судиться далеко, и добиться там защиты своих интересов трудно. Самоуправство, наезды на шляхетские имения панов Рады, сманивание ими крестьян в свои имения — все это волновало землян-шляхту. На сейме 1554 г. шляхта требовала выдачи своих крестьян „отчизных и непохожих“, перешедших в имения панов Рады. На этом же сейме они домогались, чтобы паны Рады,

¹ „Памятники, изданные временной комиссией для разбора древних актов“, т. IV. Киев, 1859, стр. 48.

² Там же, стр. 48.

³ Акты Западной России, т. III. СПб., 1848, стр. 7—8.

⁴ Там же, стр. 7—9; стр. 37.

⁵ Там же, стр. 52—54, § 10.

владеющие именьями в земле Волинской, судились правом волинским. До издания нового статута им в этом было отказано.¹

Конфликты местных землян с панами — представителями власти Великого княжества Литовского на местах — доходили до вооруженных столкновений. В 1541 г. земляне Брацлавского уезда изгнали из староства местного старосту, князя Семена Пронского, „атаковав его в замке Брацлавском“, после чего отправили к королю делегацию с жалобами на „обиды“, которые им учинял князь Пронский.² В этом же году выслали делегацию с жалобами на князя Пронского и земляне винницкие.³ В 1546 г. обратились к королю с протестом земляне житомирские, винницкие и киевские против своих старост, князя Богуша Корецкого и князя Федора Сангушковича, и против воеводы — князя Фридриха Пронского. Земляне обвиняли старост и воеводу в том, что они принуждают землян нести „сторожу“ и отбывать „лежи“ в замках, требуют повинностей и взносов от подвластных местным землянам крестьян, судят этих крестьян. Король и паны Рады, под натиском единодушного выступления помещиков разных районов громадной территории, решили отступить. Было послано распоряжение местным властям не чинить „обиды“ помещикам.⁴

Все эти конфликты с правительством Великого княжества Литовского делали сговорчивее панов Украины в их переговорах с панами Польши. Переговоры панов Украины с панами Польши об унии велись до 1569 г. Еще на сейме 1565—1566 гг. в Вильно послы Волини внесли предложение составить общий сейм с Коронай Польской.

На Люблинском сейме 1569 г. паны Волини дезорганизовали лагерь противников унии, переметнувшись на сторону Польши; их переход и обеспечил победу Польши. Нарушевич писал 11 июня 1569 г. Радзивиллу: волинские паны присоединены к Польше не насилем (*tak wielkiego gwałtu na się nie mieli*), они сами „поспешили к этому“.⁵ Велись закулисные переговоры; поторговались и сговорились. Конечно, это не было соглашение украинского и польского народов, как утверждает польская шляхетская и буржуазная историография. Прежде всего нельзя забывать, что народ на шляхетских сеймах никакого представительства не имел; ничего ни заявлять, ни постановлять там не мог. Нет никаких доказательств того, что украинские паны-шляхта боролись против самой унии, против превращения Украины в колонию феодальной Польши. Они спорили только об условиях унии. Даже выступление князя Константина Вишневецкого на заседании 24 мая 1569 г., которое украинская буржуазная историография пытается представить как выступление против унии, не содержит возражений против самой унии. Вишневецкий с полным сознанием своей силы, силы княжеских родов Украины, добивается при включении Украины в состав Короны Польской гарантий лучшего положения этих родов в Короне. Он требует, чтобы феодалы Украины „не были понижены в своем шляхетском достоинстве“, ибо, заявляет он, „мы чувствуем, что шляхетством мы равны каждому народу“. Поскольку на сейме никто не высказывался в том смысле, что шляхта украинская „в своих

¹ Акты..., стр. 61—66, § 3 и 4.

² Арх. ЮЗР, ч. VIII, т. V. Киев, 1907, стр. 24—26.

³ Там же, стр. 28—29.

⁴ Там же, стр. 40—42, 43—47, 47—49.

⁵ Археогрфический сборник, т. VII, Вильно, 1870, стр. 43—47.

достоинствах“ ниже шляхты польской, Вишневецкий должен был расшифровать свое требование. Он и раскрывает карты до конца. „Есть у нас, — говорит он, — княжеские роды, которые по своему происхождению имеют свое особое призвание и достоинства. Мы не рады были бы видеть, чтобы их достоинство в чем либо было бы уменьшено“.¹ Вишневецкий напрасно беспокоился о судьбе княжеских родов Украины в Короне Польской. Они устроились в Короне лучше, чем в Литве, хотя бы те же Вишневецкие. Вспомним, какую роль в Польше играл Еремия Вишневецкий. Вспомним, что один из Вишневецких стал королем Польши. Вспомним роль, значение и рост богатств в Польше Острожских, Заславских и других „королеват“ из украинских княжеских родов. Присоединив Воынь к Польше, польское панское правительство предложило панам Воыни, чтобы они, „выделив своих депутатов, сами себе написали привилей, как считают лучше и нужнее всего“.²

Княжат и панов Украины принудить насилем подчиниться Польше было не так просто: они не были безоружны. Острожские, Збаражские, Вишневецкие, Заславские и другие паны Украины располагали значительными вооруженными силами. Паны Польши с ними должны были считаться. Люблинская уния была полюбовной сделкой хищников-реакционеров, феодалов Польши и Украины, сделкой, направленной против интересов и украинского и польского народов. Это был союз для проведения политики феодальной реакции, погубивший Польшу и принесший громадный вред Украине.

Подведем итоги. Польша захватила страну отнюдь не пустынную, не умирающую, а стоявшую на высокой ступени развития и быстро развивающуюся. Утверждения об „исторических заслугах“ польской шляхты являются грубой выдумкой, возможной лишь при недостаточном знании истории Польши и Украины XVI—XVIII вв. или при ее заведомо тенденциозном толковании. Не культуру, а порабощение, разорение и упадок несло польское панство Украине. Хорошо известно, что сделала с этой цветущей страной шляхетская Польша, до какой степени разорения она довела ее.

Осуществить порабощение украинского народа польское панство смогло только с помощью украинских эксплуататорских классов, которые во имя классовых интересов были готовы предать свою родину кому угодно.

¹ М. С. Грушевський. История Украины Руси, т. IV. Киев — Львов, 1907, стр. 404.

² Археографический сборник, т. VII, стр. 41.